

Оценка качества перевода специальной литературы: диахронический аспект исследования

Е. А. Княжева¹, К. И. Таунсенд²

¹Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹knel@cs.vsu.ru

²townsendX@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты диахронического анализа феномена оценки качества перевода на материале метапереводческого дискурса XVIII в. Ретроспективный взгляд на данную проблему и дискурсивный анализ исторических документов позволили выявить неизменность требований к содержательной стороне и приоритет языковых критериев в оценке качества перевода научного труда по древней истории, что было обусловлено культурной прагматикой переводческой ситуации в России восемнадцатого столетия.

Ключевые слова: оценка качества перевода, конвенциональная норма, переводческая ситуация XVIII века, критерии оценки, рецензирование переводов, самооценка переводчика

Для цитирования: Княжева Е. А., Таунсенд К. И. Оценка качества перевода специальной литературы: диахронический аспект исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 48–54.

Original article

Assessment of Specialized Translation Quality: Diachronic Perspective

Yelena A. Knyazheva¹, Ksenia I. Taunzend²

¹Voronezh State University, Voronezh, Russia

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹knel@cs.vsu.ru

²townsendX@yandex.ru

Abstract. The paper presents the diachronic approach to translation quality assessment treated as 18th century meta-translational discourse. A retrospective view of the phenomenon through the discourse analysis of historical documents has revealed, firstly, the immutable law of content equivalence and, secondly, the priority of linguistic criteria in assessing the translation quality of a scientific work on ancient history. The latter factor is determined by the cultural pragmatics of the 18th century translation situation in Russia.

Keywords: translation quality assessment, conventional norm, 18th century translation situation, assessment criteria, translation review, translator's self-assessment.

For citation: Knyazheva, Ye. A., Taunzend, K. I. (2023). Assessment of Specialized Translation Quality: Diachronic Perspective Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 48–54.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что сама формулировка данной проблемы – *оценка качества перевода* – связана, прежде всего, с современным этапом развития перевода и переводоведения, актуальность диахронического аспекта ее исследования несомненна. И объясняется это не только тем, что доступный на сегодняшний день фактический материал является мало изученным. Введенные в научный оборот исторические документы, в которых зафиксированы результаты критического анализа переводов, представляют интерес по целому ряду причин. Во-первых, данный аспект является интегральной составляющей проблемы оценки качества перевода (*далее* ОКП) в целом, поскольку владение исторической информацией во многом помогает дополнить наши знания о формировании традиций переводческой критики, которые не потеряли своего значения и сегодня. Во-вторых, анализ суждений оценивающей стороны (*далее* ОС), представленных в имеющихся на сегодняшний день документах, позволяет получить уточненные данные об источниках и путях формирования переводческой нормы рассматриваемого исторического периода. В-третьих, изучение оценочных определений, которые использовались ОС в критических отзывах (рецензиях), дает представление о характерной для конкретной эпохи концептуализации понятий *правильный / неправильный перевод*. В-четвертых, анализ критических отзывов на перевод позволяет выделить основные критерии оценки перевода (в данном случае не формализованные, а скорее, понимаемые интуитивно). И в-пятых, исследование фактического материала рецензий на перевод XVIII века, а также и письменных ответов переводчиков на критические замечания ОС, позволяет получить представление об этической и интерпретационной позиции участников конкретного переводческого процесса.

Материалом настоящего исследования является метапереводческий дискурс XVIII века, который, согласно трактовке В. Б. Кашкина, включает разнообразный спектр устных и письменных текстов – предисловий к переводам, рецензий, сносок, примечаний, размышлений о переводе, отражающих обыденные и научные представления. Эти аспекты и жанры объединяет их расположение вне собственно текста перевода как объекта критики [Кашкин, 2010]. Таким образом, в зоне внимания оказываются сохранившиеся до наших дней рецензии и официальные заключения о переводах, которые выполнялись российскими переводчиками XVIII века.

В первую очередь отметим три по-своему ярких и интересных случая явно выраженной оценки

качества перевода, представленных в документах рассматриваемой эпохи: в отзыве российских академиков на перевод труда по истории (1750 г.), в рапорте переводчика Синода с замечаниями на перевод религиозного сочинения (1775 г.) и в рецензии на русский перевод сентиментального романа, опубликованной в журнале за 1791 год. Эти случаи различаются и по составу участников с обеих сторон (переводчиков и оценивающих перевод лиц), и по характеру текстов переводов, а также по институциональным и прочим прагматическим параметрам. Тем не менее между ними прослеживаются и общие черты, заметные на теоретическом уровне анализа феномена ОКП. И поскольку для философско-гносеологического обобщения любого явления (в данном случае явления ОКП) требуется сначала тщательное феноменологическое изучение отдельных его аспектов, данная работа видится авторами как первая часть цикла статей, посвященных ретроспективному исследованию ОКП текстов различной функциональной направленности.

В настоящей статье проблема ОКП специальной литературы будет рассмотрена на материале рецензий и официального заключения о переводе многотомного сочинения Плутарха «Жития славных мужей». Этот перевод был осуществлен переводчиком Академии наук, коллежским асессором Сергеем Саввичем Волчковым летом 1750 года с французского перевода Дациера. Результаты разбора и критического анализа перевода С. С. Волčkova зафиксированы в заключении Академии наук 1750 года, представленном в рапорте И. И. Тауберта, а также в критических отзывах М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского 1750–1751 годов. Исходя из широкой трактовки метапереводческого дискурса, нами были также рассмотрены представляющие значительный интерес ответы переводчика на критические замечания академиков, содержащиеся в письме С. С. Волčkova в Академию наук от 29 октября 1750 года.

Изучение проблемы ОКП традиционно осуществляется с использованием метода сравнения оценочных суждений с текстами перевода и оригинала. Однако при исследовании диахронического аспекта ОКП мы применяли дискурсивный метод из аппарата лингвистики, а также диахронический и ретроспективный методы из арсенала исторической науки.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящее время многие исследователи связывают эволюцию взглядов на перевод и его оценку

с так называемой конвенциональной нормой, т. е. характерной для определенного исторического периода системы представлений о том, каким должен быть правильный перевод [Комисаров, 1990]. Исходя из этого, можно предположить, что суждения оценивающей перевод стороны основываются на установлении соответствия или же несоответствия конвенциональной норме перевода. Однако, на наш взгляд, в своем «чистом виде» конвенциональная норма существует как достаточно обобщенное понятие, ведь формирование переводческой нормы – процесс постепенный и длительный. Описание доминирующих взглядов на перевод, характерных для конкретной эпохи, как правило, относится к какому-либо историческому периоду в целом, в то время как более узкий срез эмпирических данных, зачастую представляет достаточно противоречивую картину.

В настоящее время основными оценочными определениями и соответствующими категориями, через которые описываются результаты перевода, являются понятия эквивалентности и адекватности. Однако нельзя не признать, что подход такого рода в большей степени характерен для теоретических исследований и неизбежно ведет к необходимости уточнения концептуальной стороны данных понятий [Княжева, 2018]. Как известно, в классических работах В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера, Ю. В. Ванникова, В. Колера, М. Бейкера, Ю. Хауса, К. Райса, Г. Фермеера и др. понятия эквивалентности и адекватности рассматриваются с различных позиций. Когда же речь идет о разборе и анализе конкретных результатов перевода, например в той же учебной сфере, то основой для оценочной деятельности является нормативный раздел переводоведения, ориентированный на систематизацию правил и переводческих рекомендаций.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА

Возвращаясь к переводческой ситуации XVIII века, отметим, что в данном случае нам не приходится говорить о переводческой теории как таковой, однако при этом нельзя не признать, что практически с самых ранних этапов переводчики всегда стремились осмыслить результаты своего и чужого труда [Гарбовский, 2004]. Переводческая рефлексия получала отражение в критических отзывах (рецензиях) на чужие переводы, а также, по всей видимости, и в самооценке, на основе которой в текст перевода вносились различного рода изменения и исправления. Несмотря на то, что представления о требуемом качестве перевода были, скорее,

интуитивными, сведения о том, каким образом переводчики пытались достичь оптимального результата, можно получить из современных исторических и филологических исследований, посвященных изучению документов, которые отражают работу над текстом конкретных переводчиков, а также из сохранившихся рецензий.

Как отмечает Л. Л. Кутина, в начале XVIII века перевод научной литературы был государственным делом и лишь изредка осуществлялся по инициативе частных лиц, и поэтому над переводами работала целая группа переводчиков, действия которой координировались и согласовывались. Оценка переводов, или «свидетельствование их годности», осуществлялась в процессе редактирования, которое, как и сам перевод, было делом коллективным. К сожалению, письменных документов, показывающих, как именно проходило это «свидетельствование», не сохранилось, если такие записи вообще велись.

Однако следующая цитата позволяет предположить, что надлежащее качество перевода научной литературы понималось как *соответствие представлениям* о научном сочинении, хотя, конечно, до ясно понимаемых параметров научного стиля было еще далеко: «В предисловии к переводу “Комментариев” академии говорится: *Всякому преводнику такие диссертации (рассуждения) преводить давали, о нем же известно знали, что он вещь оную наилутче разумеет, к тому же и самый перевод в присутствии всех преводников читан и свидетельствован был.* Нам мало известно, как было поставлено переводческое дело в Славяно-греко-латинской академии, но сходство приемов, строгое следование определенным грамматическим нормам, близость в нормах словоупотребления – всё это также говорит о существовании известной переводческой традиции» [Кутина, 1966, с. 15].

Что касается собственно *оценки* переводов, практика их рецензирования в Академии наук начала XVIII века, существовавшая еще до М. В. Ломоносова, говорит о том, что оценка результата являлась важной составляющей переводческого процесса.

Теперь обратим внимание на ряд существенных различий между ситуацией, связанной с оценкой качества перевода в XVIII веке и сегодняшним днем. В настоящее время мы разграничиваем *оценку промежуточную*, к которой относятся самооценка переводчика и оценка редактора, и *оценку конечную*, к которой относятся оценка заказчика и получателя. Такое разграничение оказывается полезным и в исследовательских целях, поскольку помогает объяснить причины разброса мнений в оценочных суждениях. Вполне доступен сегодня

и фактический материал, на основании которого мы можем получить необходимые сведения: например, различные версии переводного текста с исправлениями, внесенными в текст самим переводчиком, редакторская правка и данные обратной связи, которые представлены оценочными суждениями получателя.

К сожалению, мы не располагаем аналогичным фактическим материалом XVIII века в достаточном количестве, однако интересующую нас информацию мы можем получить из некоторых сохранившихся документов. В отношении самооценки, а скорее, саморефлексии переводчика, имевшей место в процессе создания текста перевода, большой интерес представляет черновая рукопись И. П. Сатарова, переводчика при Морском кадетском корпусе. Процесс работы переводчика на материале этой рукописи описан в диссертации К. И. Таунзенд, в разделе «Наблюдения за процессом работы русского переводчика XVIII века» [Таунзенд, 2021]. Отметим, что в данном случае было бы сложно говорить о четкой границе между оценкой собственных решений, принимаемых *в процессе перевода*, и самооценке *конечного результата*, поскольку самооценка осуществляется не только по окончании работы. Таким образом, здесь, по всей видимости, можно говорить о субъекте промежуточной оценки, осуществляемой самим переводчиком. Что касается редакторской правки того времени, то таких материалов, насколько нам известно, не сохранилось.

Если же рассуждать о том, на каком уровне осуществляется оценка перевода, то на современном этапе мы можем констатировать наличие четкой границы между профессиональной и непрофессиональной оценкой. Первая осуществляется внутри переводческого процесса, а вторая исходит от заказчика или конечного получателя, т. е. является внешней. Однако в России XVIII века эта граница оказывается размытой, поскольку оценку перевода осуществляли исключительно те лица, которые сами имели практический переводческий опыт. И хотя в рассматриваемый период времени переводческого образования как такового не существовало, любое другое образование подразумевало прежде всего перевод как важный этап получения профессиональных знаний. Кроме того, и академическое сообщество, и военные, и гражданские чины, и духовное звание занимались переводом при достижении определенных высот в своем роде занятий. Таким образом, оценка перевода (как и сам перевод) требовала определенного уровня образования, общей эрудиции и знаний. Безусловно, в то время имели место и промежуточная, и конечная оценка, что обусловлено

самой сущностью переводческой работы, однако материальных свидетельств промежуточной оценки мы не найдем, потому что она, как правило, не фиксировалась, а если и фиксировалась, то вряд ли сохранилась за 300 лет. Сегодня нам известно лишь о фактах устных «свидетельствований» переводов в академическом собрании, и «редактировании» переводов учащихся, однако какие-либо артефакты до наших дней не дошли. Причина вполне очевидна: такой «черновой», промежуточный материал по определению носит временный характер и не переживает даже своих создателей.

ОЦЕНКА АКАДЕМИЕЙ НАУК КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА С. С. ВОЛЧКОВА

Перевод Сергея Саввича Волчкова рецензировался академиками М. В. Ломоносовым, В. К. Тредиаковским, С. П. Крашенинниковым по мере поступления томов. Результаты его разбора и критического анализа зафиксированы в заключении Академии наук 1750 года, а также в критических отзывах М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского 1750–1751 годов. Этот перевод получил крайне негативную оценку академиков, о чем свидетельствует следующая резолюция Академии наук 1750 года. «Перевод совсем не годной, а переводчик совсем не знает ни самых малых грамматических правил. Сим переводчиком толь важная, полезная и слаткая книга приводится в бесславие, а не препоручается читателям. Словом, перевод сея книги требует искусного человека» (цит. по: [Самарин, 2022, с. 65]). В официальном заключении о переводе С. С. Волчкова, представленном в рапорте переводчика Императорского Московского университета и адъюнкта Академии наук И. И. Тауберта, сказано следующее: «сего переводу не только поправить не можно, но еще гораздо лехче будет во всем новой сделать» [там же, с. 64].

Основные претензии к переводу С. С. Волчкова были сформулированы академиками на основе выявленных ошибок, к которым, как показывает рассмотренный материал, они отнесли следующие¹:

во-первых, академики отметили случаи некорректного перевода прецедентных имен собственных:

В собственных именах, как то: вместо Дионисия — Денис, вместо Евстафия — Евстат, вместо Есхилиа — Ешиль, вместо Тебанский или уже Фивейский — у него Фиванский и прочие; также нет в них и равности, как то: инде Ромулус, инде Ромул и прочие;

¹ Нижеследующие цитаты XVIII в. приводятся по отзыву М. В. Ломоносова [Ломоносов, 2012, с. 534–535].

во-вторых, рецензентами были выявлены необоснованные пропуски в переводе некоторых исторических примечаний французского переводчика, а также нарушения на уровне связности текста:

Во многих местах пропущены совсем исторические примечания, которые положены Дациером, а оные надобны необходимо. <...> Некоторые из них частями токмо переведены, а не все, а особливо где греческие цитации, которые везде им опущены, без чего примечания оные уже недействительны, и толь наипаче, что у г. асессора кусочки оные и худое еще связание между собою имеют.

в-третьих, были сделаны критические замечания, касающиеся стилистики переводного текста:

Господина асессора весь стиль очень неисправен и во многих местах против свойства российского языка весьма погрешено, также и сила французских слов переведена неправо во многих местах, отчего преизрядная сия книга не может понравиться всему обществу читателей наших...

в-четвертых, рецензентов не устроило использование переводчиком заимствованных слов в тех случаях, когда была возможность использовать средства переводящего языка:

Толкования российских речений иностранными, как например: «родословие, то есть генеалогия», никуда не годны.

в-пятых, переводчику было указано на многочисленные орфографические ошибки в тексте перевода:

Господина асессора очень странна и ортография, ибо он везде на конце речей, в середине и в начале вместо литеры «в» пишет «ф», когда оное «в» не с гласного, но с согласною твердою совокупно находится, как то: вместо все, у него фсе. Нет же у него разности между «ф» и «?», также между «?» и «е»...

Таким образом, здесь мы можем сделать вывод о том, что рецензенты руководствовались содержательными и языковыми оценочными критериями, которые сегодня считаются хрестоматийными. В данном случае для содержания оказывается критичной полнота передачи информации, а для качества ПЯ – стиль и орфография.

При оценке переводов неизбежно возникает такой вопрос, как *приоритетность критериев* [Княжева, 2018], однако в данном случае можно, пожалуй, говорить о равноценной важности

содержательного и языкового, или даже в какой-то степени приоритетности языкового критерия. Здесь очевидна общая мировоззренческая позиция людей того времени, когда они все были в той или иной мере озабочены возможностями и ресурсами родного языка, потому что знание иностранных языков показало возможности литератур других народов, а чувство национальной гордости побуждало создавать нечто сопоставимое на своем языке. По этой же причине у И. П. Сатарова в переводе мы наблюдаем в один ряд набор различных вариантов соответствий латинским терминам, например, *владелец, стяжатель, посессор* и пр. Словари того времени тоже давали множественные варианты, а это говорит о том, что так называемая многоименность была распространена и в переводческой, и в лексикографической практике. Поиск и выбор соответствий осуществлялся по лексико-стилистическому критерию: русское обиходное / церковно-славянское / заимствованное. Иноязычный оригинал и ориентация на него – столь естественные для современности факторы ОКП – для русских академиков и переводчиков XVIII века представляются второстепенными, потому что в центре их мировоззрения и попечения находилась судьба национального языка. Возможно, в этом заключается одно из кардинальных отличий ОКП в России XVIII и XXI веков.

Интересно и то обстоятельство, что в архиве РАН сохранились также своеобразные свидетельства «обратной связи», из которых мы узнаем, что сам переводчик был категорически не согласен с академической оценкой его труда. Подробный обзор этих документов содержится в монографии А. Ю. Самарина [Самарин, 2022].

Реакция С. С. Волчкова на критику академиков получила отражение в его ответном письме¹. Интересно, что в данном случае переводчик ссылается на причины неудачных переводческих решений с характерной «оправдательной» прагматикой. Например, многочисленные пропуски в своем переводе С. С. Волчков объясняет тем, что он оба тома *без Лексикона переводил и как человек ошибиться мог*. И действительно, словаря у С. С. Волчкова не было. Рассматриваемый критический отзыв относится к 1750 году, в то время как первый француско-немецко-латинско-русский словарь, а точнее, «с литеры А по литеру Г», т. е. его первая часть, был издан в России в 1755 году. Вторая часть вышла только в 1764 году. Кстати, по иронии судьбы переводил на русский этот словарь, т. е. добавлял

¹ Далее по тексту слова С. С. Волчкова из этого письма выделены курсивом и приводятся по монографии А. Ю. Самарина [Самарин, 2022, с. 63–67].

русскую часть к трехязычной иностранной части, всё тот же С. С. Волчков.

В целом же на замечания, касающиеся стиля переводного текста, переводчик реагирует весьма эмоционально, отмечая, что при Академии *много таких, у которых штиль хуже моево*. А что касается орфографических ошибок, к которым, в частности, относится написание слова *все* с буквы *ф* (*фсе*), то переводчик объясняет это особенностями произношения. И справедливости ради следует сказать, что подобное обоснование вполне понятно в контексте рассматриваемой эпохи, так как в то время зафиксированная орфографическая норма отсутствовала.

Таким образом, отвечая на критику академиков, переводчик исходил из суровой правды жизни, когда его стиль был не лучше и не хуже других, потому что литературный язык еще не был выработан (недаром М. В. Ломоносов взялся за написание Грамматики и Риторике). Зафиксированной орфографической нормы тоже не было, как не было и словарей в помощь переводчику.

Однако, пожалуй, главное свое оправдание С. С. Волчков видел в признании и принятии его переводов *высокопоставленными особами*, которым он их постоянно подносил. Переводчик подчеркивает, что ни один из четырех российских послов, при которых он служил в Берлине, *штиля моего площадным признавать не изволил*. И вообще тот факт, что российские монархи (Анна Иоанновна, Елизавета Петровна) и высокопоставленные вельможи благосклонно принимали его переводы, уже достаточен для того, чтобы отказать Академии в праве переведенные им книги *ревизовать*. Таким образом, говоря современным языком, оценка конечного получателя оказывается для переводчика высшим приоритетом, что соответствует и переводческой ситуации наших дней.

Известно также, что С. С. Волчков отказывался вносить в текст своего перевода какие-либо исправления, объясняя это следующим образом:

Лутчие французские и немецкие книги многими погрешностями против грамматики и правописания наполнены; чего ни самому за книги принявшемуся ангелу убежать невозможно.

Но при этом переводчик продолжал присылать тома своих переводов в Академию наук, которые ложились мертвым грузом в Библиотеку на хранение без всякой надежды на публикацию. После рецензирования второго тома 29 мая 1751 года

В. К. Тредиаковский вынес окончательное отрицательное заключение о переводе Волčkova и отказался редактировать его перевод: «...[А]ссессор Волчков, вместо чтоб благодарить, поносит за то и злобствует на исправителя, как то он и со мною поступил, когда я ему показал в Савариевом Лексиконе вместо его *черносливных бобков* зерна так называемого деревца *какао*, и премногия другия погрешности, да и поныне меня везде он злословит» (цит. по: [Самарин, 2022, с. 65]).

Судьба рассматриваемого перевода, пожалуй, на этом и заканчивается. Согласно Сводному каталогу русских книг гражданской печати, сочинение Плутарха «Житие славных в древности мужей... с французского на российской язык перевел Сергей Глебов. Т. 1–2» вышло в типографии Сухопутного кадетского корпуса в Санкт-Петербурге в 1765 году, т. е. спустя 14 лет, и в совсем другом переводе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На первый взгляд, процесс формирования оценочного суждения скрыт от непосредственного наблюдения, тем более, что речь идет о переводческой ситуации XVIII века, т. е. времени весьма от нас отдаленном. Однако некоторые сведения можно получить, проведя комплексный дискурсивный анализ фактов ОКП на основе данных лингвистики, переводоведения и истории. И в первую очередь, эта информация касается организации переводческого процесса и различий во взглядах ОС и самого переводчика. Рассмотренный материал свидетельствует о том, что, согласно позиции ОС, перевод должен был соответствовать представлениям академиков о научном сочинении по истории и являть собой образец, как надо переводить и даже писать подобные сочинения. Иными словами, оценка перевода осуществлялась путем установления соответствия идеальной модели, или идеальному эталону, поскольку о реальных образцах для подражания говорить не приходится – до них было еще далеко. Поэтому от переводчика требовали, скорее, создания такого образца, хотя в явном виде это не было прописано, а скорее, присутствовало имплицитно. Таким образом, суждения о «неправильном переводе» выносились на основе сравнения с оригиналом, с одной стороны, и с представлениями о «правильном переводе» – с другой, которые формировались коллегиально в отзывах и рецензиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашкин В. Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. Воронеж: Издатель О. Ю. Алейников, 2010.
2. Комисаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и ф-тов иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990.

3. Княжева Е. А. Оценка качества перевода: история, теория, практика. М.: ФЛИНТА, 2018.
4. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2004.
5. Кутина Л. Л. Формирование терминологии физики в России (период предломоносовский: первая треть XVIII века). М.–Л.: Наука, 1966.
6. Таунзенд К. И. Перевод как фактор развития национального языка и культуры России XVIII века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021.
7. Самарин А. Ю. Академический переводчик С. С. Волчков и книжное дело в России XVIII века. М.: Янус-К, 2022.
8. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в десяти томах. 2-е изд., испр. и доп. М.-СПб: Наука, 2012. Т. 9.

REFERENCES

1. Kashkin, V. B. (2010). Paradoxy granicy v yazyke i kommunikacii = Paradox of Limits in Language and Communication. Voronezh: Izdatel' O. Yu. Alejnikov. (In Russ.)
2. Komisarov, V. N. (1990). Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Translation Theory (linguistic aspects). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
3. Knyazheva, E. A. (2018). Ocenka kachestva perevoda: istoriya, teoriya, praktika = Translation Quality Assessment: History, Theory, Practice. Moscow: FLINTA. (In Russ.)
4. Garbovskij, N. K. (2004). Teoriya perevoda = Translation Theory. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
5. Kutina, L. L. (1966). Formirovanie terminologii fiziki v Rossii (period predlomonosovskij: pervaya tret' XVIII veka) = Formation of Russian Physics Terminology before Lomonosov. Moscow–Leningrad: Nauka. (In Russ.)
6. Taunzend, K. I. (2021). Perevod kak faktor razvitija nacional'nogo jazyka i kul'tury Rossii XVIII veka = Translation as a factor of language and culture development in 18th century Russia: Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Samarina, A. Yu. (2022). Akademicheskij perevodchik S. S. Volchkov i knizhnoe delo v Rossii XVIII veka = An Academic Translator S. Volchkov and the Publishing Business in 18th century Russia. Moscow: Yanus-K. (In Russ.)
8. Lomonosov, M. V. (2012). Polnoe sobranie sochinenij = Collection of works (vol. 9): in 10 vols. Moscow – St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Княжева Елена Александровна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации
Воронежского государственного университета

Таунзенд Ксения Игоревна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Knyazheva Yelena Alexandrovna

Candidate of Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Translation and Professional Communication
Voronezh State University

Taunzend Ksenia Igorevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language)
the Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

14.08.2023
11.09.2023
18.10.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication